

ПСИХОЛОГ, КОТОРЫЙ СТЁР СЕБЯ

АЛЕКСЕЙ
КОРНЕЛЮК

18+

Алексей Корнелюк
Психолог, который стёр себя
Серия «Не сдавайся пока не
прочитаешь эти книги», книга 4

*<https://litres.ru/74103291>
SelfPub; 2026*

Аннотация

В ближайшем будущем травму больше не нужно годами разбирать в кабинете психолога. Её можно удалить — аккуратно, стерильно, почти без следов.

Известный психотерапевт, автор бестселлеров и лицо новой индустрии «чистой памяти», сам проходит процедуру стирания. Он хотел избавиться от одного воспоминания. Но после операции становится слишком спокойным: забывает не только боль, но и то, кем был рядом с ней.

Его бывший ученик замечает первые трещины. Учитель, который когда-то спасал людей правдой, теперь путает имена, не узнаёт собственные фразы и будто играет человека, которого все привыкли уважать.

Расследуя прошлое наставника, ученик выходит на закрытую клинику, исчезнувших пациентов и главный вопрос: что именно психолог хотел стереть — травму или вину?

«Психолог, который стёр себя» — психологический детектив о памяти, самообмане и мире, где боль стала услугой.

Алексей Корнелюк
Психолог,
который стёр себя

Психолог, который стёр себя

Глава 1. Согласие на удаление

Даниил Орлов приехал в клинику без водителя. Это было первое нарушение протокола, и администратор на ресепшн не посмотрела на него так, будто он явился в операционную с шаурмой в руке.

— Вы сами за рулём? — спросила она.

У неё была идеально гладкая кожа, идеально белая блузка и маленькая гарнитура в ухе. Такие люди, как правило, не живут, а представляют помещение. Она представляла это помещение прекрасно: тёплый камень, мягкий свет, прозрачная стойка, в которой не отражалось ничего лишнего, даже человеческая усталость. За её спиной на стене светились три слова: «Память без боли». Ниже, совсем мелко: «Медицинская коррекция эмоционального следа».

— Я умею водить машину, — сказал Орлов.

— После процедуры самостоятельное вождение запрещено.

— После процедуры я, возможно, уже не буду тем человеком, которому нравилось водить машину.

Администратор не улыбнулась. В приличных местах шутки принимают как наличные в дорогом ресторане: вежливо, но с лёгким отвращением.

— Вас встретит сопровождающий. Вы указывали кон-

такт?

— Указывал.

— Тимофей Северин?

Орлов на секунду задержал взгляд на её лице. Секунды хватило, чтобы она смутилась, хотя смущаться было нечему. Имя было в анкете, анкета была в системе, система была создана именно для того, чтобы чужие тайны выглядели как графы.

— Да, — сказал он. — Если я передумаю, ему звонить не надо.

— Перед процедурой у вас будет ещё одно подтверждение согласия.

— Я не об этом.

Она подняла глаза.

— А о чём?

Орлов положил на стойку паспорт. Паспорт был новый, биометрический, с фотографией человека, который уже много лет умел выглядеть чуть лучше, чем чувствовал себя на самом деле. На снимке у него был спокойный лоб, мягкая седина у висков, дорогая усталость в глазах. Лицо известного психотерапевта. Лицо с обложек, интервью, лекций, закрытых ужинов, где люди с белыми зубами говорили о травме так, будто обсуждали ремонт на вилле.

— О том, что если человек передумывает после, — сказал Орлов, — это уже не совсем считается.

Администратор посмотрела в монитор.

— Доктор Рябова вас ждёт.

Клиника занимала три верхних этажа здания на набережной. Внизу были ресторан без вывески, галерея современного искусства и магазин японских ножей, куда Орлов однажды заходил после развода и долго смотрел на сталь, не покупая ничего. Наверху продавали более чистую форму разреза. Без крови. Без скандала. Без необходимости объяснять кому-то, почему ты уже шесть лет просыпаешься в 4:17 и первое, что чувствуешь, — не страх, не горе, не вину даже, а скучную бухгалтерскую ясность: вот я, вот потолок, вот память, которую я опять не сумел не взять с собой.

Его провели через коридор с матовыми стеклянными стенами. За стеклом двигались люди в светло-серой форме. Их лица были спокойными, как у официантов в очень дорогих ресторанах, где гости могут позволить себе не знать цену. На полу не было ковров, но шаги почти не звучали. В воздухе пахло эвкалиптом, озоном и дорогим страхом, который хорошо замаскировали.

На стенах висели не картины, а абстрактные изображения нейронных связей. Золотые точки, тонкие линии, мягкие размыты. Всё это напоминало ночной город с высоты дрона: красиво, чисто, совершенно безлюдно.

Орлов подумал, что его пациенты обожали бы это место. Особенно те, кто говорил: «Я просто хочу перестать чувствовать». Обычно они произносили эту фразу на четвёртой или пятой встрече, когда первый приличный слой уже слезал, а

под ним обнаруживался человек в дурной пижаме собственной жизни. Раньше Орлов отвечал им, что нельзя выключить одну комнату и оставить дом освещённым. Что боль не живёт отдельно. Что, если ампутировать горе, можно задеть любовь. Он говорил это красиво. Иногда даже честно.

Теперь он шёл по коридору туда, где за деньги и подпись обещали сделать то, против чего он выступал двадцать лет.

Доктор Рябова ждала его в кабинете без письменного стола. Были два кресла, низкий круглый столик, графин с водой, две чашки, экран на стене и окно во всю высоту. За окном город стоял в октябрьском тумане. Башни, река, мосты, огни в офисах. Люди где-то там заканчивали день, изменяли, заказывали ужин, забывали перезвонить матерям, делали вид, что завтра будут другими. Город был огромной фабрикой обещаний.

— Даниил Андреевич, — сказала Рябова.

Она была младше его лет на пятнадцать, может, на семнадцать. Волосы собраны, голос сухой, руки красивые, без колец. Из тех врачей, которые не повышают тон не потому, что добрые, а потому что власть не нуждается в громкости.

— Вера Михайловна, — сказал Орлов. — Каждый раз, когда меня называют по имени-отчеству перед медицинским вмешательством, я чувствую, что должен передать кому-нибудь тапочки.

— Тапочки у нас выдаются.

— Значит, смерть всё-таки стала сервисом.

— Мы не занимаемся смертью.

— Никто не занимается. Она сама справляется.

Рябова указала на кресло. Орлов сел. Кресло оказалось неудобным ровно настолько, чтобы не расслабиться. Хорошая работа. Расслабленный клиент может передумать от нежности к себе. Напряжённый быстрее подписывает.

— Перед началом мы ещё раз проговорим границы процедуры, — сказала она. — Я понимаю, что вы знакомы с методикой, но юридически и этически мы обязаны...

— Юридически и этически, — повторил Орлов. — Два любимых слова людей, которые уже всё решили.

Рябова не отреагировала.

— Мы не удаляем фактическую память. Событие остаётся доступным как знание. Мы работаем с эмоциональной привязкой, повторным травматическим возбуждением, телесной реакцией и устойчивыми ассоциативными цепочками. Проще говоря, вы будете помнить, что событие произошло, но оно перестанет управлять вашим состоянием.

— Я сам это писал в вашей брошюре.

— Вы консультировали первый вариант текста. Потом мы его редактировали.

— Зря. В первом варианте было честнее.

— В первом варианте было слово «стирание». Оно пугает пациентов.

— Но вы ведь стираете.

— Мы корректируем.

— Это как если бы мясник называл себя специалистом по уменьшению коровы.

Рябова наконец улыбнулась. Едва заметно. У неё были ровные зубы и никакой радости.

— Вы нервничаете.

— Я живой.

— Именно с этим мы не работаем.

Он посмотрел на неё внимательнее. Иногда люди случайно говорят правду. Обычно потом всю жизнь тратят на то, чтобы доказать, что имели в виду другое.

— Хорошая фраза, — сказал Орлов. — Запишите. Для рекламной кампании не подойдёт, но для внутреннего девиза вполне.

Рябова взяла планшет. На экране появилось его имя, дата рождения, номер процедуры, длинный текст согласия. Внизу — пустое поле для подписи. Всё выглядело удивительно буднично. Как аренда самоката. Как покупка билета. Как подтверждение, что ты принимаешь файлы cookie, хотя понятия не имеешь, кто именно будет есть твои крошки.

— Целевой фрагмент подтверждаете? — спросила Рябова.

Орлов молчал.

— Даниил Андреевич?

— Подтверждаю.

— Сформулируйте вслух.

— Зачем?

— Протокол.

Он усмехнулся.

— Конечно.

Рябова ждала.

Орлов откинулся в кресле и посмотрел в окно. Туман прижимался к стеклу так близко, будто хотел войти и тоже что-нибудь забыть.

— Событие от двадцать третьего октября две тысячи шестнадцатого года, — сказал он. — Связанная цепочка до двадцать седьмого октября включительно. Первичная эмоциональная реакция: вина, ночные эпизоды, повторные образы, соматическая реакция на запах хлорсодержащих средств, звук лифта старого образца, женский голос в низком регистре.

— Имя?

Орлов перевёл взгляд на неё.

— Имя не требуется.

— Имя входит в цепочку.

— У меня хорошая память на протоколы. Имя можно не произносить.

— Если вы не произнесёте его сейчас, процедура всё равно затронет связанный узел, но контрольная карта будет неполной. Это повышает риск побочных пустот.

Побочные пустоты. Ещё одна хорошая фраза. У нового времени было невероятное умение давать аккуратные названия вещам, от которых раньше человек просто садился на

кухонный пол и выл.

Орлов взял стакан воды. Вода была комнатной температуры. Богатые клиники давно поняли, что холодная вода напоминает телу о смерти.

— Ася Зарецкая, — сказал он.

В кабинете стало чуть тише. Не потому, что аппараты остановились или туман за окном перестал двигаться. Просто некоторые имена сами уменьшают помещение.

Рябова отметила что-то на планшете.

— Вы сохраняете согласие на изоляцию эмоционального следа, связанного с Асей Зарецкой?

— Как красиво вы говорите. Изоляция эмоционального следа. Будто речь о том, что собака наследила в прихожей.

— Даниил Андреевич.

— Да. Сохраняю.

— Вы осознаёте, что после процедуры ваше отношение к связанным лицам, решениям, текстам, профессиональным выводам и личным воспоминаниям может измениться?

— Надеюсь.

— Это не формальный вопрос.

— Я тоже не формально надеюсь.

Рябова положила планшет на стол экраном к нему.

— Тогда подпишите.

Он не сразу взял стилус. Пальцы почему-то показались чужими. Старые, сухие, с едва заметной дрожью в правой руке. Эту дрожь он ненавидел. Она появлялась в неподходящие

моменты: когда кто-нибудь в интервью спрашивал, был ли в его практике случай, который он не смог забыть; когда в ресторане официантка случайно произносила имя «Ася»; когда в квартире начинал гудеть старый лифт; когда он открывал первую свою книгу и видел посвящение, которое давно надо было убрать, но убрать было бы хуже, чем оставить.

Он подписал.

Подпись вышла уверенной. Многолетняя тренировка публичного человека: рука может предать, росчерк — нет.

— Спасибо, — сказала Рябова.

— Не благодарите. Это создаёт ощущение покупки.

— Процедура занимает сорок минут. Подготовка — около двадцати. После пробуждения возможны дезориентация, эмоциональная плоскость, лёгкая тошнота, нарушение временной сцепки.

— Нарушение временной сцепки я наблюдаю у всех, кто старше сорока.

— Также возможна защитная рационализация.

Орлов посмотрел на неё.

— Вера Михайловна, вы сейчас правда предупреждаете психотерапевта о рационализации?

— Именно психотерапевта — в первую очередь.

Он снова усмехнулся. На этот раз без желания.

Раньше он любил такие столкновения. Умные женщины, профессиональная сухость, тонкая агрессия под белым халатом. В этом был вкус. Не сексуальный даже, а властный:

два человека знают, что сейчас говорят не то, что говорят. Теперь вкус исчез. Осталась структура. Сцена без температуры.

— Скажите честно, — сказал он. — Вы считаете это лечением?

Рябова убрала планшет.

— Я считаю это инструментом.

— Скальпель тоже инструмент.

— И иногда он спасает жизнь.

— А иногда человек отрезает себе палец, потому что кольцо напоминает о браке.

Она посмотрела на него долго и спокойно.

— Даниил Андреевич, вы сами пришли.

— Это не аргумент. Люди сами приходят в казино, к бывшим и на лекции о личностном росте.

— Вы хотите отменить процедуру?

Он хотел ответить быстро, в своей манере: что-нибудь точное, холодное, достаточно острое, чтобы не пришлось касаться вопроса. Но ответ не пришёл. Вместо него пришла картинка. Старая лестничная площадка. Жёлтый свет. Запах хлорки. Девушка в сером пальто сидит на ступеньке и держит в руках телефон с разбитым экраном. На щеке у неё след от туши, хотя она не плачет. Не уже. Не там. Слезы иногда заканчиваются раньше катастрофы, оставляя человеку сухое лицо, которое потом все принимают за спокойствие.

«Вы же обещали», — говорит она.

И лифт за его спиной начинает ехать вниз.

Орлов моргнул.

— Нет, — сказал он. — Не хочу.

Рябова кивнула так, будто именно этот ответ ожидала.

— Тогда пройдемте.

Подготовочная была похожа на номер в дорогом отеле, из которого вынесли кровать и смысл. Серое кресло с фиксаторами, круглая панель над ним, стойка с одноразовыми наборами, монитор, на котором медленно вращалась схема мозга. Рядом стоял молодой техник. На вид ему было лет двадцать семь, но в клиниках нового типа все выглядели так, будто их собрали утром из прозрачного пластика и хорошего образования.

— Добрый день, Даниил Андреевич, — сказал он. — Я Артём, буду сопровождать нейрокарту.

— Артём, вы когда-нибудь думали, что фраза «сопровождать нейрокарту» звучит как работа экскурсовода для покойника?

Артём улыбнулся слишком поздно. Молодые люди часто не знали, можно ли смеяться с известными пациентами. Особенно когда известный пациент был психотерапевтом и мог потом написать колонку о твоём подавленном страхе перед авторитетом.

— Постараюсь провести вас аккуратно, — сказал он.

— Уже лучше.

Орлов снял часы. Рябова положила их в маленький

прозрачный контейнер. Следом туда отправились телефон, кольцо без камня, которое он носил не на том пальце и не по той причине, и тонкая кожаная папка.

— Папку тоже? — спросила она.

— Там бумага.

— Во время процедуры при вас не должно быть личных предметов.

— Это не личный предмет. Это трусость в твёрдой обложке.

Рябова протянула руку.

Орлов достал из папки один лист.

— Это можно оставить вам?

— Что это?

— Письмо.

— Завещание?

— Хуже. Инструкция.

Она взяла лист, пробежала глазами первые строки. На её лице ничего не изменилось, но он заметил, как большой палец чуть сильнее прижал бумагу.

— Адресовано Тимофею Северину, — сказала она.

— Если после процедуры я попрошу его не читать, передайте всё равно.

— Вы понимаете, что после процедуры можете изменить отношение к этому решению?

— На это и расчёт.

— Мы не участвуем в личных конфликтах пациента.

— Вы удаляете человеку воспоминания. Не стройте из себя нотариуса с моральной аллергией.

Артём опустил глаза к монитору. Рябова сложила лист и вложила его обратно в папку.

— Мы можем передать его только при вашем подтверждении после восстановления.

— Тогда оставьте у себя до подтверждения.

— Если вы не подтвердите?

— Значит, я стану тем человеком, которого боялся.

Впервые за весь вечер Рябова посмотрела на него не как врач. Как человек — это было бы слишком громко. Но как специалист, которому на секунду стало интересно не состояние пациента, а он сам.

— Зачем вы это делаете? — спросила она.

Он мог сказать: потому что устал. Это было бы правдой, но маленькой, жалкой, как чаевые за плохой ужин. Мог сказать: потому что не сплю. Потому что таблетки больше не берут. Потому что лекции о принятии прошлого стали похожи на мошенничество, а пациенты всё ещё смотрят на него так, будто он знает дорогу. Мог сказать: потому что шесть лет назад одна девушка произнесла «вы же обещали», и с тех пор эти три слова поселились в нём лучше, чем все люди, которых он когда-либо любил.

Но он сказал другое:

— Мне нужно работать.

Рябова молчала.

— Вот видите, — добавил Орлов. — Самому противно.

Его уложили в кресло. Фиксаторы на запястьях были мягкими, почти заботливыми. Такие используют не для того, чтобы удержать человека, а чтобы он не заметил, что его всё-таки удерживают. Артём прикрепил датчики к вискам, за ушами, к шее. Холодный гель коснулся кожи. Орлов вздрогнул.

— Неприятно? — спросил Артём.

— Нет. Просто тело иногда имеет своё мнение.

— Сейчас начнётся предварительная калибровка, — сказала Рябова. — Вам будут показывать нейтральные изображения, затем контрольные стимулы. Не сопротивляйтесь реакциям. Нам нужна честная карта.

Честная карта. Орлов закрыл глаза, потом открыл. Над ним висела круглая панель, похожая на луну, которую вымыли перед продажей.

На экране появились изображения. Стул. Чашка. Пляж. Дверь. Нейтральные, выхолощенные картинки, какие используют в тестах, потому что настоящая жизнь слишком дорого обходится методологии.

Потом пошли другие.

Старый лифт.

Белая плитка.

Жёлтый коридор.

Телефон с разбитым экраном.

Он не двинулся, но приборы рядом ожили тихим измене-

нием ритма. Артём что-то отметил. Рябова смотрела на монитор.

На экране появилось лицо Аси Зарецкой.

Фотография была не та. Не из досье. Не из новостей. Не из книги. Её, видимо, взяли из старого профиля: Ася стояла на улице, ветер поднял ей волосы, одна рука закрывала солнце, глаза смотрели мимо камеры. Ей было девятнадцать, но на этом снимке — семнадцать и сорок одновременно. У некоторых молодых лиц уже есть посмертное знание. Они ещё смеются, ещё ругаются с матерью, ещё покупают кофе в автомате, а лицо уже знает, что его будут вспоминать чужие люди в стерильных кабинетах.

У Орлова пересохло во рту.

— Реакция высокая, — сказал Артём тихо.

— В пределах ожидаемого, — ответила Рябова.

«Вы же обещали».

— Уберите, — сказал Орлов.

— Ещё десять секунд.

— Уберите.

Рябова не убрала.

Это было правильно. Это было профессионально. Это было именно то, чего он сам требовал от пациентов: оставайтесь. Не бегите. Посмотрите туда. Да, туда. Именно туда, где вы всё время делаете вид, что нет двери.

Ася смотрела мимо камеры.

Орлов почувствовал, как поднимается тошнота. Не силь-

ная. Знакомая. Вежливая тошнота богатого виноватого человека. Она не выворачивает тебя наизнанку, потому что даже тело уже устало устраивать сцены.

Картинка исчезла.

— Контур подтверждён, — сказал Артём.

Рябова подошла ближе.

— Сейчас я введу седативный препарат. После этого начнётся основной этап. Вы услышите несколько фраз. Возможно, будут вспышки воспоминаний. Не пытайтесь удерживать их.

— А если я хочу удержать?

— Тогда процедура будет менее чистой.

— Может быть, чистота переоценена.

— Возможно.

Она взяла шприц из набора. Орлов смотрел, как жидкость входит в катетер. Всё было почти красиво. Ужас часто проигрывает оттого, что люди ждут от него грязи. А он приходит в одноразовых перчатках.

— Последний вопрос, — сказал он.

— Да?

— Если я после этого скажу, что счастлив, вы мне поверите?

Рябова убрала пустой шприц.

— Нет.

— Почему?

— Потому что счастливые люди редко так тщательно го-

товятся исчезнуть.

Он хотел засмеяться, но препарат уже начал размывать края комнаты. Свет стал мягче. Лицо Рябовой отдалилось, хотя она не отходила. Артём превратился в белое пятно у монитора. Где-то рядом тихо щёлкнул аппарат. Город за окном больше не существовал. Туман вошёл в комнату без разрешения.

— Даниил Андреевич, — сказала Рябова. — Скажите, что вы хотите отпустить.

Сначала он подумал, что не ответит. Что сохранит хоть это маленькое право — не помогать им формулировать собственное исчезновение. Но язык оказался предателем, как и всё живое в человеке.

— Не боль, — сказал он.

— Что?

Голос Рябовой дошёл издалека.

Он увидел лестничную площадку. Асю на ступеньке. Разбитый телефон. Свою руку на перилах. Закрытую дверь кабинета. Лифт, который едет вниз. Тимофея у окна, молодого, растерянного, ещё верящего ему так, как верят только тем, кто однажды сказал правильные слова в правильный момент.

«Мы не можем сейчас поднимать шум», — говорит Орлов.

И понимает, что именно эта фраза была началом всего. Не смерть. Не эксперимент. Не книга. Фраза.

— Не боль, — повторил он. — Вину.

Рябова ничего не сказала.

И хорошо. В такие минуты молчание — единственная форма приличия, которой ещё можно верить.

Потом лицо Аси стало рассыпаться на светлые квадраты. Или это был потолок. Или собственная память, которая наконец получила официальное разрешение уйти. Орлов попытался удержать хотя бы её имя, не смысл, не сцену, не ужас, только четыре буквы, простые, детские, почти воздушные.

Ася.

Ася.

Ася.

На третьем повторе имя стало чужим.

На четвёртом — просто звуком.

На пятом — ничем.

Когда Даниил Орлов открыл глаза, доктор Рябова сидела рядом и смотрела на монитор. В комнате было тихо. За окном город включил вечерние огни. Он чувствовал себя выспавшимся, пустым и слегка голодным.

— Как вы себя чувствуете? — спросила Рябова.

Он прислушался к себе.

Ничего не болело.

Это было странно. Почти неприлично.

— Нормально, — сказал он.

— Назовите своё имя.

— Даниил Андреевич Орлов.

— Дата рождения?

Он назвал.

— Профессия?

— Психотерапевт.

— Целевой фрагмент помните?

Орлов посмотрел на неё с лёгким раздражением. Вопрос показался бестактным, как просьба пересказать сон незнакомому человеку за завтраком.

— Двадцать третье октября две тысячи шестнадцатого года, — сказал он. — Пациентка Ася Зарецкая. Острый кризис. Последующие события. Моя профессиональная ошибка.

Слова прозвучали ровно. Удобно. Как чужой диагноз, записанный в старой карте.

— Эмоциональная реакция?

Орлов подождал.

Внутри было тихо.

Не хорошо. Не плохо.

Просто тихо.

— Отсутствует, — сказал он.

Артём улыбнулся у монитора. Молодой, глупый, счастливый чужим успехом.

— Отличный результат.

Орлов повернул голову к нему.

— Не употребляйте слово «отличный» рядом с челове-

ской ампутацией.

Артём побледнел.

Рябова внимательно посмотрела на Орлова. Он тоже заметил свою фразу. Она была правильной, почти прежней. Интонация осталась. Ирония осталась. Профессиональная холодность осталась. Всё важное, видимо, было на месте.

Кроме того, что ему было всё равно.

— У вас была папка, — сказала Рябова. — Вы просили вернуться к ней после процедуры.

— Какая папка?

Она достала из контейнера его вещи. Часы. Телефон. Кольцо. Кожаная папка. Орлов смотрел на неё без узнавания, но без тревоги. Мало ли что человек приносит с собой в клинику. Люди вообще таскают за собой множество предметов, чтобы не заметить, что самые тяжёлые не помещаются в руки.

— Внутри письмо Тимофею Северину, — сказала Рябова.

— Тимофею?

— Да.

Имя что-то задело. Не боль. Скорее слабый электрический щелчок в стене, за которой давно отключили свет.

— Зачем?

— Вы сказали: если после процедуры попросите не читать, передать всё равно.

Орлов взял папку. Открыл. Внутри лежал сложенный лист. На верхней строке был его собственный почерк, чуть

наклонённый, резкий, как всегда, когда он писал без желания быть красивым.

«Тима, если я скажу, что всё нормально, не верь мне».

Орлов прочитал фразу два раза.

Потом третий.

Она была драматичной, неприятной и совершенно лишней. В ней чувствовалась усталость человека, который слишком долго разговаривал с собой в плохой литературной манере.

— Забавно, — сказал он.

— Что именно?

— Я не называю его Тимой.

Рябова молчала.

Орлов сложил письмо обратно, аккуратно провёл пальцем по сгибу и посмотрел на своё отражение в тёмном стекле. Лицо было его. Немного бледнее обычного, но вполне пригодное. С таким лицом можно было выходить к людям, давать интервью, сидеть в жюри, подписывать книги, говорить о боли, не чувствуя к ней ничего личного.

Он подумал, что завтра нужно перенести встречу с издателем на вторую половину дня.

Потом спросил:

— А кто такая Ася?

Глава 2. Лекция о боли

Тимофей Северин не любил большие залы, где люди приходят слушать о собственной душе за цену хорошей обуви. В

таких местах всегда пахло кофе, пылью от дорогой акустики и надеждой, которую заранее расфасовали по пакетам: VIP-ряд, стандартный билет, автограф-сессия, доступ к записи на семь дней, скидка на курс, если купить до полуночи. Человеческая боль в Москве давно научилась стоять в очереди по QR-коду.

Он пришёл за двадцать минут до начала и сразу пожалел.

В фойе центра «Контур» было слишком много света. Белые колонны, стеклянные перила, золотистые указатели, экраны с лицом Даниила Орлова. На экранах Орлов выглядел лучше, чем большинство людей в день собственной свадьбы: тёмный пиджак, седина у висков, спокойная улыбка человека, который много лет зарабатывал тем, что другие не справлялись с жизнью. Под фотографией крупно: «ДАНИИЛ ОРЛОВ. ПРОШЛОЕ НЕЛЬЗЯ УДАЛИТЬ». Ниже, помельче: «Большая лекция о травме, памяти и свободе».

Тимофей остановился перед экраном и долго смотрел на эту фразу.

Прошлое нельзя удалить.

Он даже усмехнулся, но как-то без удовольствия. В последнее время у него вообще плохо получалось смеяться над тем, что само предлагало себя для смеха. Слишком много всего стало пародией без посторонней помощи.

Рядом две женщины лет сорока фотографировались на фоне афиши. Одна поправляла волосы, другая держала бумажный стаканчик с матча-латте и говорила:

— Он меня после развода просто спас. Я тогда его книгу прочитала и поняла: всё, что со мной происходит, это не я, это травма.

— Удобно, — сказала подруга.

— Что удобно?

— Когда ты не ты, а травма.

Они засмеялись. Обе были ухоженные, с ровными лицами и дорогой усталостью. Таких людей Тимофей видел у себя на приёмах всё чаще: жизнь вроде бы удалась, но внутри что-то всё время пищало, как датчик дыма в квартире, где никто не готовит.

У входа в зал продавали книги Орлова. Стол был длинный, белый, с аккуратными стопками. «Человек, который выдержал себя». «Не бойтесь своей боли». «Там, где начинается память». Обложки были сделаны в одной гамме: много пустого пространства, тонкие линии, имя автора больше названия. Успешные психологи вообще любили обложки, на которых было много воздуха. Воздух создавал ощущение глубины и хорошо смотрелся в социальных сетях.

Тимофей взял в руки первую книгу Орлова. Ту самую. С потёртым корешком у него дома лежал другой экземпляр, исписанный карандашом, с загнутыми углами, с жирным пятном от кофе на странице сто сорок три. Когда-то он возил её в метро, читал на лавочках между парами, подсовывал пациентам, цитировал на супервизиях и злился, если кто-то говорил, что Орлов слишком гладкий. В двадцать четыре го-

да человеку нужен кто-то, кто говорит гладко. Иначе приходится слишком рано признать, что взрослые тоже заикаются перед правдой.

— Подписать после лекции можно будет в правом крыле,
— сказала девушка за столом.

— Что?

— Книгу. Даниил Андреевич будет подписывать.

— Спасибо. У меня уже есть.

— Эта новая редакция. С дополнительной главой.

Тимофей перевернул книгу. На обороте была фотография Орлова — та же улыбка, но чуть теплее. Под ней короткая биография: психотерапевт, автор, основатель института интегративной памяти, консультант международных программ по работе с травматическим опытом. Слово «память» там стояло три раза. Слово «вина» — ни разу.

— Дополнительная глава о чём? — спросил Тимофей.

Девушка улыбнулась так, как улыбаются люди, обученные не отвечать своими словами.

— О том, как перестать быть заложником прошлого.

— Но прошлое нельзя удалить.

Она на секунду потеряла улыбку, потом нашла обратно.

— Именно.

Тимофей положил книгу на место.

В зал он вошёл одним из последних, хотя пришёл рано. Это тоже была привычка. Садиться не сразу. Сначала постоять у стены, посмотреть на людей, оценить выходы, рассто-

ание до сцены, ряды, лица. Психотерапевты часто называли это наблюдательностью, хотя на самом деле половина из них просто не умела нормально находиться среди людей без внутренней охраны.

Зал был полный. Семьсот, может, восемьсот человек. На первых рядах сидели узнаваемые лица: телеведущая, которая недавно выпустила книгу о тишине и каждый день выкладывала по двенадцать историй; актёр с мягким профилем и репутацией человека, которому простили всё, потому что он красиво плакал в кадре; владелица сети клиник, где лечили выгорание людей, работающих на людей, вызывающих выгорание. Чуть дальше — психологи помельче, коучи, редакторы, блогеры с внимательными лицами и хищными глазами. Последние ряды занимали обычные люди. Они всегда отличались. Не одеждой даже, а способом сидеть. Обычный человек приходит на такую лекцию не для того, чтобы быть замеченным. Он приходит, потому что ночью опять не смог дышать.

Тимофей сел сбоку, ближе к проходу.

На сцене стояли кресло, столик с водой и экран. Всё выглядело как декорация к разговору, в котором один человек уже знает ответы, а остальные купили билет на право не знать. Свет погас не полностью, а красиво потемнел. Раздались аплодисменты ещё до того, как Орлов вышел. Так хлопают не человеку, а ожиданию, что сейчас кто-то назовёт твою боль правильными словами.

Орлов появился из левого прохода.

Тимофей сразу заметил: он похудел.

Не сильно. Не так, чтобы это бросилось в глаза залу. Для зала Орлов был прежним: собранным, спокойным, чуть усталым, с этой своей знаменитой походкой человека, который никуда не спешит, потому что везде уже был. Но Тимофей видел его слишком много лет, чтобы не заметить. Лицо стало суше. В движениях появилась какая-то экономия. Не слабость, а сокращение лишнего. Будто из Орлова вынули маленькую, невидимую часть, которая раньше задерживалась в жестах на полсекунды дольше.

Он вышел к креслу, не сел, взял микрофон и дождался, пока аплодисменты сами умрут. Это он всегда умел: не перебивать любовь к себе. Давать ей выдохнуться.

— Добрый вечер, — сказал Орлов. — Я рад, что вы пришли поговорить о том, о чём большинство людей предпочитает молчать в приличном обществе.

В зале тихо засмеялись.

Голос был прежний. Низкий, спокойный, с лёгкой хрипотцой. Голос, который мог сказать человеку: «Вы не обязаны больше ненавидеть себя», — и человек верил, хотя до этого не верил никому, включая анализы крови.

— О прошлом, — продолжил Орлов. — О памяти. О боли. И о нашей прекрасной, почти трогательной попытке сделать вид, что если мы достаточно заняты, достаточно успешны, достаточно красиво одеты и достаточно правильно ды-

шим в приложении, то внутри нас нет комнаты, куда мы боимся входить.

Смех стал громче. Люди любили, когда над ними издевались с уважением.

Тимофей слушал, сложив руки на коленях.

Первые десять минут всё было безупречно. Даже слишком. Орлов говорил легко, ясно, с тем самым ритмом, благодаря которому его лекции разлетались на короткие фрагменты: фраза, пауза, улыбка, удар. Он рассказывал о пациентке, которая двадцать лет не могла выбросить чашку умершей матери. О мужчине, который построил бизнес только для того, чтобы однажды отец сказал: «Теперь нормально». О женщине, которая после развода перестала ходить в те районы города, где когда-то была счастлива, будто счастье оставляет радиацию.

Зал дышал вместе с ним.

Тимофей тоже когда-то дышал.

Он помнил первый семинар Орлова, на который пришёл студентом. Подвал старого института, облезлые стены, пластиковые стаканчики с чаем, Орлов ещё без седины, но уже с этим опасным умением говорить так, будто видит тебя насквозь и не морщится. Тогда Тимофей сидел в третьем ряду и старался записывать всё подряд. Через час перестал. Некоторые люди в молодости производят впечатление не мыслями, а разрешением. Орлов разрешал быть сломанным и не выглядеть при этом жалко.

Потом было много лет. Супервизии. Практика. Ночные разговоры в коридорах конференций. Первый провал Тимофея с пациентом, после которого он решил уйти из профессии. Орлов тогда нашёл его на лестнице, сел рядом, хотя костюм у него был слишком дорогой для грязной лестницы, и сказал фразу, которую Тимофей потом носил в себе как монету под языком:

«Ты не Бог, Тима. Не делай из своей ошибки религию».

Глупая, точная, спасительная фраза.

Именно после неё Тимофей остался.

На сцене Орлов сделал паузу, отпил воды и посмотрел в зал.

— У нас появилась новая мода, — сказал он. — Мода на человека без прошлого. На человека, который ничего не тащит. Ничего не помнит. Ни о чём не жалеет. Не срывается. Не возвращается мысленно к тем, кого потерял. Не просыпается ночью от старого голоса. Не боится запаха, комнаты, песни, лифта, телефона, даты в календаре. Чистый человек. Оптимизированный. Без лишних внутренних файлов.

Тимофей поднял глаза.

Слово «лифт» прозвучало не случайно. Оно легло в зал ровно, без дрожи. Орлов произнёс его так, как произнёс бы «стул» или «яблоко». Но Тимофей почему-то почувствовал неприятный холод под рёбрами. Может быть, потому что Орлов раньше не использовал это слово в лекциях. Может быть, потому что использовал. Память иногда ведёт себя как пло-

хой свидетель: уверенно говорит, но путается в деталях.

— Идея соблазнительная, — продолжал Орлов. — Правда? Кто из нас не хотел бы удалить из себя несколько сцен? Один разговор. Одну ночь. Одну больничную палату. Одну лестницу. Одно лицо.

Он снова сделал паузу.

Тимофей смотрел на его руки. Левая спокойно лежала на спинке кресла. Правая держала микрофон. Ни дрожи. Ни лишнего движения. В этом тоже было что-то неправильное. Орлов всегда немного двигал правой рукой, когда подходил к опасному месту. Едва заметно, большим пальцем по микрофону или по кольцу. Маленький сбой, который Тимофей заметил много лет назад и почему-то полюбил. Даже у мастера был шов.

Теперь шва не было.

— Но человек без прошлого, — сказал Орлов, — это не свободный человек. Это человек без доказательств, что он вообще жил.

Зал замолчал той дорогой тишиной, которую организаторы потом обязательно вставят в проморолик.

Тимофей должен был признать: фраза была сильная. Слишком сильная, чтобы не быть отрепетированной. Но внутри неё чего-то не хватало. Раньше Орлов говорил так, будто каждая такая фраза стоила ему небольшого внутреннего ожога. Теперь он произносил их идеально, без дыма.

На большом экране за его спиной появилась фотография

старого дома. Подъезд, мокрые ступени, почтовые ящики. Тимофей нахмурился. Этот слайд он тоже раньше не видел.

— Я расскажу вам историю, — сказал Орлов. — Без имён, разумеется. Все детали изменены.

В зале зашуршали блокноты. Люди любят истории без имён. Они создают ощущение, что чужая боль соблюдает конфиденциальность и одновременно принадлежит всем.

— Много лет назад у меня была пациентка, — начал Орлов. — Молодая женщина. Очень умная, очень тонкая, с тем разрушительным видом ума, который не помогает жить, а только делает страдание более литературным. Она пережила тяжёлый эпизод. Не буду вдаваться в подробности. Скажу только, что её память стала для неё тюрьмой. Она не жила — она возвращалась. Каждый день. В одну и ту же точку. Один и тот же коридор. Один и тот же звук. Один и тот же человек, который должен был её спасти и не спас.

Тимофей перестал двигаться.

Слова будто проходили мимо смысла и попадали сразу в тело. Коридор. Звук. Человек, который должен был спасти.

Он видел подобные истории у Орлова в книгах, слышал на семинарах, разбирал с ним случаи. В профессии всё время повторяются коридоры, больницы, отцы, матери, двери, последние звонки. Невозможно каждый раз вздрагивать от совпадения. И всё же сейчас совпадение не было похоже на совпадение. Оно было похоже на чужую руку, которая легла тебе на затылок.

— Она спросила меня, — продолжил Орлов, — можно ли однажды стать человеком, с которым этого не происходило.

Он ходил по сцене медленно. Свет лежал на его лице ровно, почти рекламно.

— Я ответил ей: нет. И это был, возможно, самый честный ответ, который я мог дать. Мы не можем стать людьми, с которыми ничего не случилось. Мы можем стать людьми, которые перестают делать случившееся своим единственным именем.

Тимофей услышал, как женщина в соседнем ряду тихо выдохнула. Кто-то всхлипнул. Кто-то сфотографировал слайд, хотя на нём не было текста.

Орлов сделал ещё несколько шагов.

— Но тогда я был моложе. Самонадеяннее. Я верил, что правда всегда лечит. Это очень опасная вера. Ею часто страдают начинающие специалисты и люди, которым пока не пришлось выбирать между правдой и чьей-то жизнью.

Тимофей почувствовал, как напряглась челюсть.

Что-то в этой фразе было чужим. Не в смысле неправильным. Наоборот, она была слишком гладко поставлена. Но Орлов раньше не оправдывал молчание сложностью выбора. Он ненавидел эту интонацию. «Сложный выбор» он называл любимым парфюмом трусости.

Тимофей даже записал это когда-то.

Любимый парфюм трусости.

В зале Орлов говорил уже о том, что память нельзя наси-

ловать, что некоторые двери открываются только изнутри, что психолог не имеет права тащить человека к правде, если тот ещё не может вынести собственное лицо при свете. Всё это было верно. Всё это было красиво. Всё это можно было напечатать на карточках и продавать возле выхода вместе с книгами.

Но Тимофей вдруг понял: Орлов рассказывает не о пациентке.

Он рассказывает о себе.

Только так, будто сам этого не знает.

Лекция длилась полтора часа. К концу зал был мягкий и послушный. Люди хлопали стоя. Некоторые плакали. На больших экранах Орлов принимал аплодисменты с лёгкой усталой улыбкой, наклонив голову, как человек, которому неловко за чужую любовь, но не настолько, чтобы уйти со сцены слишком рано.

Тимофей не хлопал.

Он сидел и смотрел на экран, где лицо Орлова было увеличено до размеров фасада. В таком масштабе человеческая мимика становится подозрительной. Видно, как запаздывает улыбка. Как глаза не участвуют там, где должны. Как пауза длится на долю секунды дольше, чем нужно живому человеку, и на долю секунды меньше, чем нужно лжецу.

После лекции очередь за автографом вытянулась через всё фойе. Люди держали книги, телефоны, букеты, свои маленькие подготовленные фразы. У каждого был запасной ва-

риант себя, который он хотел показать Орлову за двадцать секунд: благодарный, глубокий, уже почти исцелённый. Тимофей встал в стороне у колонны. Уходить он не собирался. Подходить тоже.

Он видел, как Орлов подписывает книги. Быстро, но не механически. Поднимает глаза на каждого. Слушает ровно столько, чтобы человек успел почувствовать себя существующим, но не настолько долго, чтобы следующий в очереди начал раздражаться. Идеальный ритм славы, облагороженной эмпатией.

— Вы тоже к нему? — спросила женщина рядом.

Тимофей повернул голову. Та самая, из первого ряда. Лет сорок пять, может, чуть меньше. Худое лицо, тёмное пальто, пальцы сжаты на корешке книги так крепко, будто книга могла убежать. Глаза сухие. Слишком сухие.

— Не знаю, — сказал Тимофей.

— Значит, да.

Она сказала это без улыбки.

— Вы давно его знаете? — спросила она.

Тимофей не любил, когда незнакомые люди задают точные вопросы. Он вообще плохо относился к точности вне кабинета.

— Достаточно.

— Тогда вы заметили.

— Что?

Женщина посмотрела на очередь. Орлов как раз смеялся

над чьей-то фразой. Смех был короткий, красивый, профессионально тёплый.

— Он больше не болит, — сказала она.

Тимофей молчал.

— Раньше, когда он говорил о боли, ему самому было больно. Это видно. Не всем, но видно. А теперь он говорит правильно. Как навигатор.

— Вы психолог?

— Нет.

— Тогда откуда такая уверенность?

Женщина наконец посмотрела на него прямо.

— Я тоже так говорю после процедуры.

Тимофей не сразу понял.

Она раскрыла книгу. На первой странице была подпись Орлова: «Елене. Жить — не значит возвращаться. Д.О.» Подчерк уверенный, красивый, чуть наклонный.

— Какой процедуры? — спросил Тимофей.

— Вы правда не знаете?

— Нет.

Женщина чуть усмехнулась. Теперь в её лице появилась усталость, и от этого оно стало почти живым.

— Конечно. Он умеет выбирать людей, которым не говорит.

Очередь сдвинулась. Кто-то попросил Орлова записать видео для подруги. Орлов взял телефон, улыбнулся в камеру и сказал: «Наташа, прошлое не сильнее вас». Наташа, где

бы она ни была, возможно, потом пересмотрит это сорок раз и всё равно ночью напишет человеку, которому не надо писать. Утешительные фразы часто работают как обезболивающее: действуют недолго и вызывают привычку.

— Меня зовут Елена Рубцова, — сказала женщина. — Я была у него пациенткой три года назад.

— У Орлова?

— У Орлова. А потом в клинике.

— В какой клинике?

Она не ответила сразу. Посмотрела на людей, на камеры, на охранника у входа в правое крыло, на девушку с бейджем, которая следила, чтобы каждый получал ровно одно фото и не больше одного вопроса.

— «Мнема», — сказала она тихо.

Название Тимофею ничего не сказалось. Или сказалось, но так тихо, что он не расслышал. Бывают слова, которые сначала кажутся незнакомыми, а потом ты понимаешь, что просто не хотел узнавать их с первого раза.

— Что это?

Елена провела пальцем по обложке книги.

— Место, где можно перестать быть человеком, которому не повезло.

— Это ваша формулировка?

— Нет. Моя хуже.

— И Орлов имеет к этому отношение?

Она странно улыбнулась.

— Он имеет отношение ко всему, к чему потом делает вид, что не имеет отношения.

Тимофей почувствовал раздражение. Не на неё даже. На тон. На эту готовую фразу. На то, как легко люди после лекций превращаются в носителей недоказанных тайн. Психотерапевты часто сталкиваются с чужой паранойей, и самая неприятная её особенность в том, что иногда она оказывается просто хорошо информированной болью.

— Вы хотите мне что-то рассказать? — спросил он.

— Нет.

— Тогда зачем вы подошли?

— Посмотреть, знаете ли вы.

— Что?

Елена посмотрела ему за плечо.

— Что он сделал с собой.

Тимофей обернулся.

Орлов стоял в трёх метрах от них.

Очередь ещё не закончилась, но он, видимо, поднялся на минуту. Рядом была ассистентка с планшетом. В руке у Орлова — чёрный маркер. Он смотрел не на Елену. На Тимофея.

Лицо у него было спокойное.

— Тимофей, — сказал он.

Вот оно. Имя прозвучало правильно. Без ошибки. Без трещины. И всё равно Тимофею почему-то стало неприятно.

— Даниил Андреевич.

— Ты не подходишь.

— Не хотел мешать.

— Ты мешаешь гораздо эффективнее, когда молчишь в углу.

Это была почти прежняя фраза. Почти прежняя интонация. Укол, тепло, наблюдательность. Залитая сверху лёгкой иронией забота. Тимофей даже на секунду расслабился. Может быть, он всё придумал. Может быть, Орлов просто устал. Может быть, женщина рядом просто одна из тех, кто приходит к известным терапевтам за близостью, а уходит с обидой, если близость не становится вечной.

Орлов перевёл взгляд на Елену.

— Елена Викторовна.

— Вы помните отчество, — сказала она.

— Я помню многое.

— Не всё.

Орлов улыбнулся.

— К счастью.

Елена побледнела. Совсем чуть-чуть, но Тимофей заметил. Не страх. Скорее подтверждение страха.

— Вы говорили сегодня красиво, — сказала она.

— Спасибо.

— Особенно про то, что прошлое нельзя удалить.

— Это правда.

— Теперь да.

Между ними повисла пауза. Не театральная. Плохая. Та-

кая бывает в лифте, где один человек узнал другого, а другой решил, что нет.

Ассистентка Орлова шагнула ближе.

— Даниил Андреевич, у нас ещё сорок человек и интервью.

— Одну минуту.

Он снова посмотрел на Тимофея.

— Остаься после. Поговорим.

— О чём?

— О тебе.

— Почему обо мне?

— Потому что о себе ты всё равно никогда не рассказываешь, даже когда делаешь вид, что говоришь о других.

Это было точное попадание. Слишком точное. Тимофей должен был почувствовать привычную смесь злости и благодарности. Орлов умел попадать туда, где человек держал ладонь. Но вместо благодарности пришло другое: ощущение, будто кто-то пользуется старым ключом от квартиры, в которой давно сменили замки.

— Хорошо, — сказал Тимофей.

Орлов кивнул и вернулся к столу.

Елена смотрела ему вслед.

— Не оставайтесь с ним один, — сказала она.

— Почему?

— Потому что вы ещё думаете, что он ваш учитель.

— А он кто?

Она сжала книгу так сильно, что обложка чуть согнулась.
— Человек, который нашёл способ не помнить, что он сделал.

Тимофей хотел спросить ещё, но к ним подошёл охранник в мягком сером костюме. Не грубо, не угрожающе. Просто встал рядом и сообщил своим телом, что разговор окончен. Елена сразу изменилась: выпрямилась, закрылась, стала обычной женщиной с книгой. Такие люди в дорогих местах быстро вспоминают, как надо выглядеть, чтобы тебя не вывели.

— Найдите «Мнему», — сказала она почти беззвучно. — И не верьте буклетам.

Потом ушла в толпу.

Тимофей остался у колонны.

На сцене в фойе Орлов снова подписывал книги. Смеялся. Смотрел людям в глаза. Писал короткие фразы, которые они потом будут хранить как личное благословение. Всё было на месте. Лицо. Голос. Жесты. Ум. Даже его старая способность замечать чужую боль осталась. Только теперь она казалась не теплом, а прибором.

Через двадцать минут ассистентка провела Тимофея в служебный коридор. Там уже не было мягкого света и музыки. Просто серые стены, коробки с водой, стойки с баннерами, скрученные провода, усталый уборщик, который вёз тележку и не интересовался прошлым. Любая красивая сцена с обратной стороны похожа на склад. Тимофей почему-то

любил такие места больше залов.

Орлов ждал в маленькой гримёрке. Без пиджака. В белой рубашке, с расстёгнутой верхней пуговицей. На столе лежали маркеры, бутылка воды, тарелка с нетронутым виноградом и телефон экраном вниз.

— Садись, — сказал он.

Тимофей сел на стул у двери. Орлов заметил.

— Всё ещё выбираешь место ближе к выходу.

— Всё ещё делаете вид, что это глубокое наблюдение.

— Оно не глубокое. Просто точное.

Орлов налил воды в пластиковый стаканчик и поставил перед ним. Тимофей не взял.

— Как ты? — спросил Орлов.

— Нормально.

— Плохой ответ.

— Ваш любимый.

— Мой любимый — честный.

— Тогда плохо.

Орлов сел напротив.

— Почему?

Тимофей посмотрел на него. Вблизи изменения были заметнее. Не кожа, не возраст. Что-то в глазах. Раньше взгляд Орлова был тяжёлым не от мрачности, а от присутствия. Он как будто входил в комнату раньше тела и занимал там место. Сейчас взгляд был яснее, легче, почти моложе. Тимофею не понравилось, как хорошо Орлов выглядел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.